Ксения ДВОРЕЦКАЯ

РАССКАЗЫ

ПЕНА

Ленчик молчала. Когда она научилась — Марина пропустила.

Ленчик шла с мамой из садика, уверенно узнавая дорогу; шла рядом, не давая маме руки. Марине хотелось заговорить с ней запросто, но все, что приходило ей в голову, было или строго, или заискивающе, — но только не запросто. Перед автомобильной дорогой Марине пришлось взять девочку за капюшон.

Дома Ленчик забралась в свой уголок: кресло, которое раскладывалось на ночь, — днем поворачивалось сиденьем к стенке, образуя уютный домик. Там уже лежала большая, красочная, но написанная для детей намного старше энциклопедия. Книгу брали «на вырост», а Ленчик открывала ее каждый день, и Марина не знала: девочка только рассматривает картинки, или читает и понимает статьи, или удовольствие для нее в том, чтобы ощущать себя серьезнее и старше... Так или иначе, но книга надолго занимала девочку.

Марина задвинула шторы и включила над креслом торшер.

— Ты не мерзнешь? — спросила она дочь. Девочка помотала головой.

Марине было холодно: «От усталости...» — подумала она. Сейчас ее изматывал даже обычный рабочий день: силы, с которыми Марина устраивала свою жизнь последние полгода, оказались взятыми у будущего взаймы. Марина ни секунды не жалела о разводе с пьющим, скандалящим мужем, но тогда ей с дочерью некуда было уходить. Лену забрала к себе бабушка, в соседний город на другой стороне Волги, а Марина поселилась в хостеле. Без ребенка она уже не боялась скандалов и добилась продажи прежней квартиры, — полученная доля стала первым взносом ипотеки. Марина купила квартиру, сделала ремонт и спустя семь месяцев забрала дочь к себе.

А девочка за это время отвыкла от мамы.

Марина надела свитер и прилегла. Она резко провалилась в сон: тело дергалось, затекало, Марина хотела, но не могла очнуться. В черноте сна мелькали жуткие, нелепые образы — деформированные слепки с прошлого. Один оказался особенно ярким: Марина испугалась и резко села на кровати, тараща глаза и пытаясь узнать место, в котором находится.

От сна слабость только увеличилась.

— Ленчик, — разлепив губы, позвала Марина, — дочь...

Никто не отозвался. Марина на ватных ногах поднялась и заглянула за кресло. Девочки не было. Ухнуло сердце — Марина бросилась открывать дверцы шкафа, даже

Ксения Дворецкая родилась в 1994 году в Саранске. Окончила институт электронной техники в Мордовском государственном университете. Работает преподавателем в школе дополнительного образования. В 2020 году окончила Высшие литературные курсы в Литературном институте им. А. М. Горького и поступила в аспирантуру. Публиковалась в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Москва», «Наш современник».

те, до которых сама дотягивалась на цыпочках; заглянула под стол, под кровать, под кресло. Девочки не было ни на кухне, ни в ванной.

Утомленная, испуганная, Марина не могла ни сообразить, ни припомнить, что было до сна. «Я забыла ее забрать из садика! Я забыла своего ребенка в садике!» — забилось у нее в голове. Она стала надевать джинсы, не с первого раза попадая ногой в штанину.

Когда Марина уже обулась, в комнате вдруг бухнуло, и в коридор вышла Ленчик.

— Ты где была?! — закричала Марина.

— На подоконнике...

В комнате было светлее, чем на улице, и Марина не видела силуэта девочки и не догадывалась отдернуть штору.

— Почему ты не отзывалась?!

Ленчик не ответила. Ее открытые глаза будто никуда не смотрели: ни эмоций, ни мыслей не было в ее взгляде. Тупое, безжизненное лицо, так часто пугавшее Марину. Раздевшись и успокоившись, Марина спросила Лену:

— Ты не голодная? — а когда Ленчик помотала головой, добавила: — Тогда будем купаться.

Девочка кивнула.

Марина прошла в ванную и включила воду. От шума воды и поднимавшегося тепла было уютно. Когда воды набралось достаточно, Марина плеснула шампуня и стала взбивать воду. Пушистая, блестевшая на свету пена казалась праздничной.

— Ленчик, пора, — позвала Марина.

Девочка быстро вошла, положила одежду на стиральную машину, и забралась в ванну. Над теплыми сугробами торчала только ее голова. Вдруг ее лицо стало кривиться: подбородок подрагивал, над опухшими нижними веками собрались слезы.

— Ленчик, что такое?

Сильно сжав губы и зажмурившись, Ленчик замотала головой.

— Что ты! Я тебя ни за что не ругаю. Спряталась — ну и спряталась, ничего страшного.

Но Ленчик выговорила шепотом:

— ...пена...

— Что?

Марина спрятала улыбку, нахмурившись.

— ...Не хочу. Не хочу, чтоб пена была.

— Совсем без пены? Тебе же нравилось.

У Ленчика прорывались рыдания:

— не хочу... не хочу пену...

Марина стала отгонять пену руками на другой край ванны. «Ч-ч-ч... Видишь, нет пены». Возле Ленчика остались только едва заметные белые пузырьки, но она хныкала и указывала на образовавшуюся гору на другом краю ванны. Марина с нежностью поцеловала дочку в темечко. Ее удивило и обрадовало, что ее скрытная дочь расстроилась из-за такого пустяка. Марина была благодарна дочери, что она еще такая маленькая.

— А хочешь, мы всю пену на стенку уберем? Станет очень нарядно, а в воде ничего не останется.

Лена посмотрела на маму: лицо еще кривилось от слез, выпячивалась нижняя губа, а взгляд был детский, живой.

— Да-авай.

Марина взяла горсть таявшей в руках пены и выложила ее вдоль бортика ванной. «Хорошо, щели промазаны», — весело подумала она и взяла следующую горсть.

— Присоединяйся!

Скоро вся стена была в пене. Ленчик болтала ногами в прозрачной воде и, задрав голову, смотрела на маленькие пузырьки, которые лопались едва уловимо для глаз.

— Хочешь корону? — спросила мама.

Ленчик заулыбалась и закивала, то ли совсем забыв свой страх, то ли посчитав пену уже укрощенной стихией. Марина сняла со стены большую горсть и положила дочери на голову.

— Красиво? — спросила девочка.

— Очень. Давай подниму тебя, в зеркало посмотришься.

Ленчик встала и протянула маме руки. Марина подняла ее и поднесла к зеркалу над раковиной.

— Да. Красиво, — серьезно сказала Ленчик.

С нее на пол текла вода, и домашнее платье Марины насквозь промокло.

— Очень красиво, — подтвердила Марина.

Когда Марина убралась в ванной и зашла в комнату, Ленчик с энциклопедией в руках сидела в своем уголке. Марина переоделась и села в соседнее кресло с книгой.

— Хочешь почитать вместе? — спросила Марина.

— А что ты читаешь?

— Мы твою книгу будем читать.

— Нет! — неожиданно угрюмо сказала девочка. — Не хочу.

— Хорошо, — согласилась Марина, — Каждый будет читать свою книгу.

За вечер девочка не подходила к маме. Только когда легли спать и Марина, выключив свет, в темноте опустилась на диван, Ленчик позвала:

— Мам?

— Да.

— Давай завтра почитаем другую книгу.

— Обязательно почитаем.

Марина лежала на спине и прислушивалась к дыханию дочери. Когда Ленчик заснула, Марина заплакала. Она плакала почти беззвучно, не двигаясь, и слезы стекали за уши. Марина плакала и радовалась: как много времени еще впереди.

В ОДИНОЧЕСТВЕ

Женя вынула из шкафа серебристое платье, похожее на рыбью чешую. Надеть это платье, встать на высокие, изощренно тонкие шпильки и позировать перед зеркалом, словно перед камерой, было ее обычным способом поднять себе настроение. Иногда еще наносилась ярко-красная помада, но ее сложно было смывать – на губах и подбородке долго оставались пятна, словно Женя объелась гранатом. Откинув и чуть наклонив голову, она оглядывала свою длинную грациозную шею, затем поворачивалась к зеркалу боком и выгибала спину, чтобы четче вырисовывалась красивая фигура пятнадцатилетней девушки.

Платье и неестественно неудобные туфли принадлежали раньше Жениной тете, маминой младшей сестре, которая после родов, располнев и сменив образ жизни, отказалась и от прежнего гардероба. Мама зачем-то хранила тетины вещи, хотя дико было бы представить, что она могла это надеть. Дочь она бы тоже никуда в таком виде не отпустила, но Женя и не хотела в них никуда идти, понимая, что на улице и даже школьной дискотеке будет смотреться нелепо. Но свои одинокие дефиле она обожала. Женя перенесла вес на левую ногу, отставив правую в сторону на носке (насколько

было возможно в таких туфлях) и, уперев ладони в бока, чуть свела локти. Задержавшись так на несколько секунд, вздохнула, скинула туфли и, хотя в запасе был еще десяток позиций, переоделась в домашний спортивный костюм. Сегодня настроение не спасти.

Вчера бабушке сделали операцию, и мама должна оставаться с ней в больнице. Она заранее договаривалась с родителями Карины, чтобы подружку отпустили к Жене с ночевкой. Когда мама позвонила из больницы, Женя с Кариной лежали в кровати, хохотали, размахивали руками и ногами в такт любимым песням. Женя не сомневалась, что с бабушкой все в порядке, и только агакала в ответ маме.

— Все хорошо с твоей бабушкой? — поинтересовалась Карина.

— Конечно. В больнице же врачей полно! Ну и мама... не зря там сидит.

Подружки долго не ложились, проспали первый урок и весь день с легкой бравадой зевали. Но на вторую ночевку Карину уже не отпустили. Женя вернулась из школы одна и сразу легла спать, а проснулась в пятом часу. В незанавешенное окно светили уличные фонари. От школьного дня предстоящий вечер был отрезан сном и воспринимался как новый полноценный день, и его предстояло прожить в одиночестве, в пустой квартире. Если бы мама должна была прийти сегодня, но поздно, то Женя провела бы вечер в свое удовольствие. Но и на второй день после операции мама нужна в больнице, а значит, у Жени была впереди ночь, такая же одинокая и длинная, как вечер, только еще страшнее.

Женя вернула платье и туфли на свои места. До того, как можно будет лечь и надеяться уснуть, еще не меньше шести часов. Без особой надежды Женя включила телевизор, но на первом и втором каналах показывали что-то глупое, а другие каналы не работали без Интернета; за Интернет в этом месяце было решено не платить. Женя взяла телефон, чтобы позвонить Карине, но вызов не прошел: телефон тоже был не оплачен.

На площадке раздались топот ног, голоса и хруст открываемого дверного замка. Женя замерла в страхе — отец! Почему она так боялась его прихода, объяснить, наверное, не смогла бы. Отец не жил с ними, обычно его комната была заперта, а Женя с мамой были словно в однушке, но порой он приходил и даже оставался на несколько дней. Почти все время он сидел в своей комнате, редко выходил в туалет или на кухню, где мама оставляла ему тарелку супа и несколько кусков хлеба. Иногда с ним приходили друзья — сморщенные жалкие дядьки, которые сидели в его комнате, еще реже выходя в туалет и никогда на кухню. Ни отец, ни его друзья с Женей и ее мамой не разговаривали. Только один, самый сморщенный дядька, специально стучался к ним в комнату, здоровался и угощал Женю конфетой или мандарином, которые она затем брезгливо выбрасывала.

Порой, если смотреть на отца слишком долго, он мог начать кричать, что это его дом и он может делать здесь все, что ему захочется. Было не страшно, только неприятно. Но чаще Женя с отцом успевали разойтись и могли, зная о присутствии другого, ни разу не увидеться за несколько дней. Ничего плохого отец не делал, но Женя всегда пугалась, когда он приходил — неизвестно откуда и непонятно зачем.

«Не мамин же суп он есть приходит», — думала Женя и с облегчением выдыхала, когда он уходил. С мамой она это не обсуждала.

Сегодня присутствие отца было бы особенно тяжело. Хотя вчера Женя спокойно вспоминала о бабушкиной операции, сегодня ее тревожили предчувствия, мучила совесть. Замок прохрустел два оборота, дверь открылась... «К соседям!» — обрадовалась Женя. Соседние квартиры были дверь в дверь, и обычно Женя злилась на такую слышимость, но сейчас ей было приятно обмануться.

Ошибка даже развеселила ее, и она пошла на кухню — просто так, чтобы выплеснуть энергию. Так же, не от голода, а чтобы как-то занять время, Женя открыла холодильник, но ничего, кроме огромной кастрюли со щами, которые она уже ела на завтрак и обед, не нашла. Было еще несколько банок с вареньем, но закупоренными они не воспринимались Женей как еда. «Худее буду», — разочарованно подумала Женя.

Женя вернулась в комнату и подошла к книжному шкафу. Она любила читать и уже дочитала книгу, которую ей во вторник дала Карина, несмотря на усилие растянуть последние страницы. Интересные книги читались взахлеб — но в шкафу стояли только ужасно скучные, за которые Женя несколько раз хваталась, думая, что наконец доросла до них, и бросала на третьей странице. Даже выглядели они уныло — по семь, девять или даже двенадцать абсолютно одинаковых книг, отличающихся только номерами, серого, черного или в лучшем случае темно-зеленого цвета.

Женя легла на диван. Она вдруг представила себя глубокой старухой...

На площадке вновь затопали. Женя нарочно, с усилием испугалась, чтобы потом обрадоваться, но хорошенько не получилось ни того, ни другого. Шаги отдалились — кто-то шел выше.

Женя резко встала. Нашла телефон, включила фонарик и, невольно стараясь ступать тише, подошла к двери в комнату отца. Чувствуя, что совершается что-то нехорошее, сердце застучало, но ощущалось оно почему-то не с левой стороны, а в середине, причем в желудке. Женя повернула ручку. Закрыто. Ничего другого Женя не могла ожидать, но почему-то разозлилась и перестала нервничать. Дверь межкомнатная, и замочек — маленькая защелка на ручке — несерьезная преграда. Женя принесла с кухни нож, вставила в скважину для ключа, повернула и вошла в комнату.

Окна были не завешаны. Женя боялась, что свет будет заметен с улицы и кто-нибудь расскажет отцу, что в его комнату входили. Но отблески фонарика не похожи на зажженный свет в комнате; прикрывая луч ладонью, Женя посветила по углам. Это ее бывшая комната, маленькая, намного меньше зала, служившего одновременно и спальней родителей. Обои старые, с кораблями на одной стене и голубые на трех других, в их выборе участвовала Женя в восемь или девять лет. Кровать тоже старая, Женина.

В тот день было много криков. Отец пытался втащить сюда родительскую кровать, но она не помещалась. Скоро мама ее выбросила, заменив огромным диваном, который даже сложенным в дневное время выглядел внушительно.

«Он поджимает ноги, когда спит здесь?» — подумала Женя. Она не была точно уверена, высокий ли у нее отец, но по сравнению с диваном кровать выглядела игрушечной. Лечь на нее у Жени не хватило смелости.

Вдоль стены привычно стоял старый шкаф, но место для письменного стола пустовало — стол переехал вместе с Женей. Женя открыла дверь шире, но почувствовала, как что-то прижала. Сердце снова застучало громче. Преодолев себя и зайдя глубже в комнату, Женя осветила дверь и увидела, кого прищемила.

Как наказанная, в углу сидела большая синтетическая собака с розовыми ушами. Другая тетя, сестра отца, подарила Жене эту собаку на день рождения — за месяц до переезда. В двенадцать лет Женю уже не интересовали мягкие игрушки: она хранила старые только из сентиментальности, а эта собака была несимпатичная и неприятная на ощупь. Женя не расстроилась и почему-то не удивилась, когда отец, еще в тот активный период дележа вещей, забрал собаку себе. Женя забыла про нее и вспомнила только сейчас. Из-за этой собаки стало как-то особенно неприятно, стыдно здесь находиться.

Женя вышла из комнаты. Уже у себя Женя поняла, что не закрыла дверь, а ножик держит в руках, вернулась и тем же способом повернула замок в обратную сторону.

От воспоминаний, в которых делили полотенца и тарелки, мысли прыгнули к детству. Молодой отец — тогда он точно был высокий — играл с Женей в доктора и вместе с ней очень серьезно и увлеченно лечил ухо другой игрушечной собачке, маленькой и очень мягкой, которую позже Женя забыла в деревне. Она пошла вверх по воспоминаниям к сегодняшнему дню и вновь попала если не в день разъезда, то, по крайней мере, в тот год. Между этими событиями в памяти ничего не находилось. Как так случилось, Женя не заметила и даже сейчас, почти взрослым разумом, понять не могла. Как ее семья преодолела путь от одной плюшевой собаки к другой, было нерешенным вопросом, на который Женя и не хотела тратить силы. Одна собачка была милой, но забытой, другая дурацкой, но также забытой и такой бы оставалась, если бы Женя не полезла в чужую комнату.

Женя снова легла на диван. Через какое-то время тихонько, без топота на площадке и скрежета ключом, открылась входная дверь.

— Женечка, — негромко позвала мама.

Жене в глаза ударили слезы. Она с криком сорвалась в коридор:

— Что с бабушкой?! Почему ты здесь?!

— Бабушка уснула, сегодня я не нужна ей. Решила вернуться к тебе.

Но Женя зарыдала:

— Что с ней?! Что с бабушкой?!

Мама испуганно посмотрела на Женю:

— Женечка, что с тобой? Бабушка в порядке, скоро сможешь ее навестить.

Мама, не разуваясь, шагнула к Жене и обняла ее, поглаживая по спине:

— Ну что ты, что ты...

Женя успокоилась так же внезапно, как и заплакала. Глубоко вздохнула и улыбнулась маме в холодный капюшон:

— Как хорошо, что ты пришла.